

Гермиона улыбалась, нежно ведя его в медленном танце, его защитная рука держала ее рядом. Она чувствовала себя легкой, воздушной и зачарованной, ведь Сириус заставил ее поверить, что с ним она - самая лучшая танцовщица в мире. Его волосы развевались вокруг нее, когда он плавными шагами двигался по свежескошенной траве, время от времени обращая свои глубокие голубые глаза на нее, чтобы проверить, все ли ей еще нравится. От него так маняще пахло его выдержанным одеколоном, что она ассоциировала его с ним только тогда, когда чувствовала его запах, проходя через магазин в Хогсмиде. Это была единственная королевская вещь, которую он все еще делал, ассоциируясь с семьей Блэков, - покупал лучшие из лучших, когда речь шла об одежде, одеколоне и старых спиртных напитках. Всякий раз, проходя мимо нее, он оставлял после себя слабый аромат, который заставлял ее сердце замирать, и она не могла объяснить почему.

Музыка звучала в ее ушах, проникала в ее воображение и в кровь, и она чувствовала, как энергия бурлит между ними, когда они изящно танцевали в саду Гриммо. Никогда прежде она не была так близко к Сириусу, так долго, что это было почти успокаивающе, как что-то знакомое. Его длинные локоны казались мягкими на ощупь, и прежде чем она успела об этом подумать, она сделала смелый шаг и положила голову ему на плечо, чувствуя, как эти мягкие локоны прижимаются к ее щеке.

Сириус наблюдал за ее замедленными движениями: голова медленно опускалась все ниже и ниже, пока она не оказалась прижатой к нему в романтическом образе, позволяя ему замедлить вальс, чтобы она могла прийти в устойчивое состояние. Он затаил дыхание, его губы удивленно разошлись, а спина напряглась, когда он почувствовал, как она невинно расслабилась на его руках.словно вампир, соблазненный кровью девственницы, он почувствовал, как его горло сжалось, а сердце начало биться быстрее.

Она не должна знать.

Он боролся с желанием переплести ее пальцы со своими, когда сжимал ее руку. Он отвернул лицо, боясь сорваться, и положил подбородок на ее макушку, чтобы полюбоваться тем, как хорошо сочетаются их руки. Они всегда так делали. Но искушение победило, и он позволил себе сладостное желание, закрыв глаза и вдыхая душистый аромат ее волос.

Он играл с огнем, он знал. Пройдет некоторое время, прежде чем можно будет что-то сказать, и сегодняшняя ночь была лишь началом очень долгого пути ожидания. Все, что он знал, - это то, что ей был двадцать один год, когда это случилось.

Воображение Сириуса было разбито, когда он открыл глаза и увидел в дверях Ремуса. Музыка из дома закончилась, и Гермиона вырвалась из объятий Сириуса, глядя на него прекрасными карими глазами и искренне улыбаясь. Он не смог ничего сказать.

Гермиона сделала несколько шагов назад, на ее губах сохранялась слегка кривая ухмылка, почему-то необычайно счастливая. Танцуя с Сириусом, она чувствовала себя обновленной, просветленной и околдованной, настолько, что это впивалось в ее кости, как чужеродный наркотик, за который она чувствовала себя виноватой. Ничего не сказав, она пригнула голову и пошла прочь, словно призыватель родителей вернуться в дом.

Не успел Сириус перевести дух, как она уже пересекла задний сад и подошла к Ремусу, боясь, что иллюзия вокруг них исчезнет, как пузырь, и все снова окажется сном.

Она поднялась на первую ступеньку и повернулась лицом к своему Темному рыцарю, стоящему среди сверкающих фей в цветах: «Спасибо, Сириус».

Он по-прежнему ничего не говорил. Он не мог пошевелиться. Он застыл, испытывая неловкое удовольствие от того, что его дразнят тем, чего он так долго ждал. Ее прикосновения, ее запах, биение ее сердца о его сердце - все произошло так быстро, что он не успел запомнить все это, потому что старая память уже почти запылилась, а ему было уже девятнадцать лет.

Гермиона вернулась в дом, и звук закрывающейся двери прервал ход его мыслей. Остались только он и Ремус, и Ремус слегка нахмурился, глядя на своего давнего лучшего друга. Сириус проследил за взглядом друга, понимая, что сейчас его отругают за необдуманный поступок.

Глаза Ремуса потеряли блеск, как только он вышел проверить Сириуса, и он не заметил, что Гермиона тоже ускользнула. Он наткнулся на слишком знакомую сцену, только в неподходящий момент.

«Ты не можешь прикасаться к ней, Сириус, - сказал Ремус, словно напоминая ему о каком-то запретном правиле.

Лицо Сириуса на мгновение скривилось при этих словах, и он покачал головой, словно тоже не понимал, что делает.

«Не надо мне напоминать, Лунатик. Просто ей уже двадцать один, и...»

Ремус поднял ладонь, чтобы остановить его, так как он все еще стоял перед ним в саду: «Даже не искушай ее, она уйдет, когда придет время. Если ты сделаешь что-то сейчас, это может поставить под угрозу весь ее путь, и ты... ну, ты никогда не узнаешь, не так ли?»

Плечи Сириуса поникли, и все его тело демонстрировало абсолютное поражение. Он не успел и глазом моргнуть, как ее голова прижалась к его груди, а душистый аромат ее волос исчез. Ремус был прав, он не мог вмешаться. Всё, что он мог сделать сейчас... это ждать.

Ждать, пока она достанет Маховик Времени.

*

Входная дверь хлопнула достаточно громко, чтобы портреты застонали от вибрации стен, но Гермиона поспешила зайти внутрь из-за проливного дождя на улице. Неделя выдалась ветреной, но теперь матушка-природа решила устроить самую ужасную погоду, и когда Гермиона вытряхнула зонтик, то не удивилась, обнаружив на нём разрыв.

Она достала свою палочку и прошептала «Репаро!». В тот же миг полотно зонта было сшито как новое и сложено так, чтобы лежать у входной двери.

<http://tl.rulate.ru/book/121262/5068332>